

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКАНСКАЯ ПРЕССА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЛТЫ

О.В. Рычкова (Киров)

Своеобразным мерилom состояния общественного мнения США о СССР в 1945 г., стала реакция на Ялтинскую конференцию. Ожидания американской прессы накануне конференции, степень реализации этих надежд, оценки встреч в целом и их отдельных решений во многом стали определяющими для складывания целостного образа Советского Союза в американском общественном мнении. Конечно, один из основных сюжетов этой встречи – проблемы Восточной Европы – стали объектом самого пристального внимания американской общественности.

Накануне конференции американская делегация во многом строила свою политику в отношении восточноевропейских стран в соответствии с логикой Г. Гопкинса, специального помощника президента США, который предупреждал о том, что для Америки «жизненно важно не оказаться втянутой в антирусский курс в интересах европейской политики Англии» [4, р. 467]. Размышления Гопкинса основывались на очевидных для американцев симптомах «угрозы разделения Европы на российскую и британскую сферы влияния» [6, р. 417]. Эксперты рекомендовали, чтобы американская делегация проводила политику «среднего курса» между Лондоном и Москвой. При этом госдепартамент предписывал «не покровительствовать левым тоталитарным правительствам в проведении радикальных реформ» [24, р. 3].

В прессе также высказывались мысли о том, что США не должны терять чувство меры в своём противодействии советской внешней политике. Например, в «New York Times» (1944) отмечалось: «Продолжающееся сотрудничество между США и Россией настолько важно для будущего мира, что надо использовать все возможности для сохранения советско-американского взаимопонимания» [13, р. 176].

Несмотря на наличие разных подходов к восточноевропейской проблеме в целом, практически все американцы отмечали необходимость проведения переговоров между руководителями трёх стран. Проблемы послевоенного устройства увязывались с соблюдением баланса плюсов и минусов для жизненно важных интересов США, включающего аргументы геополитического, ресурсного, торгово-экономического, военно-политического и культурно-идеологического характера.

Большая Тройка встретилась в Ялте 4–11 февраля 1945 г. Американская сторона представила в Ялте «Декларацию об освобождённой Европе», в соответствии с которой главы союзных правительств обязывались согласовывать друг с другом свои действия по разрешению демократическими методами политических и экономических проблем освобождённых стран в период временной нестабильности. Декларация была принята. Фактически, решения очертили пределы, на которые США были

готовы пойти навстречу советским территориальным и политическим притязаниям в Восточной Европе.

Показав возможность достижения приемлемых для всех, согласованных решений, победители, однако, проявили разное видение возможностей послевоенного урегулирования. Ялтинская схема определения будущего стран Восточной Европы становилась полем для компромиссов и до определённого времени устраивала три стороны. Эта компромиссность и стала основой разночтений в оценках Крымской конференции в средствах массовой информации. Реакция на соглашения по освобождённой Европе строилась на политических импровизациях, основанных на собственном видении различными группами способов воплощения принятых решений, ибо в документах Ялтинской встречи не было детально оговорено, как и что будет сделано в каждой конкретной стране Восточной Европы.

А. Теохарис утверждает, что практически никто не критиковал сразу после Ялты все принятые договорённости. Данное заявление действительно подтверждается фактами. Первая реакция на итоги конференции была оптимистичной: в Ялте был достигнут трёхсторонний консенсус – редчайшее явление для переговоров такого уровня. Принятые решения порождали надежды на устойчивый процесс сближения внешнеполитического мышления руководителей трёх держав, обязательным элементом которого должно было стать признание принципов сотрудничества между всеми странами антигитлеровской коалиции.

Либеральные издания США подчёркивали, что результаты конференции внушают надежду на скорое и победное завершение войны и мирное урегулирование спорных проблем. «New Massess», характеризуя итоговое коммюнике, заявила: «Декларация об освобожденной Европе рвёт в лохмотья все предчувствия о новом равновесии сил, политике силы и новых сферах влияния» [19, р. 9]. Этот же журнал горячо приветствовал создание международных комиссий для решения конкретных восточноевропейских вопросов [23, р. 14]. «Ялта цементировала коалицию» [7, р. 430], – такова суммарная оценка встречи в Крыму журналом «Nation». «Результаты огромной важности даже в масштабах всего длинного исторического процесса» [21, р. 278] – писал «New Republic».

Позитивными были отклики и консервативных газет и журналов. Никто в США, Великобритании и СССР, подчёркивал «Time», не сможет утверждать, что интересы его страны были преданы в результате работы конференции [5, р. 15]. В том же духе оценивал восточноевропейские решения и ряд других изданий [14, р. 262 – 263, 15, р. 646].

Даже ультраконсервативное издание «Chicago Tribune» подчёркивало, что «решения и соглашения, достигнутые в Ялте, приведут к созданию стабильной и миролюбивой Европы» [13, р. 186].

В целом можно сказать, что первичная реакция американской прессы на результаты Крымской конференции была положительной. Опрос сотрудников крупнейших американских газет показал, что 75% из них

выступали в поддержку итоговых документов, и лишь 11% высказались против [25, с. 283].

Но уже через несколько дней появилась и другая оценка Ялты, обремененная «тяжелым якорем изоляционистского подозрения к России» [12, р. 210]. Поэтому этот взгляд на итоги Ялты отличался сдержанностью и признанием некой двойственности её результатов. С одной стороны, сторонники данной линии признавали необходимость тесного поствоенного сотрудничества, с другой – опасались непредсказуемости и ненадёжности советского партнёра. Как считают американские историки, эти опасения основывались на особом понимании целей советской внешней политики. По мнению Дж. Гэддиса, причиной этому были три фактора: коммунистическая угроза, «имперские» амбиции и неизменные подозрительность и недоверие советских лидеров к западным государствам [10, р. 168].

«Business Week» поначалу зафиксировал уступки Сталина на все предложения Рузвельта [20, р. 451]. Однако уже через месяц (без мотивации) редакция отметила, что Ялта обозначила разделение мира на американскую (западное полушарие), советскую (Восточная Европа) и английскую (колонии) сферы влияния [22, р. 120]. Весьма показателен в этом плане взгляд журнала «Life». Продемонстрировав позитивную оценку Ялтинских соглашений, журнал чуть позже продемонстрировал двойственность. Сначала редакторы выступили с критикой тех, кто осуждал крымские решения: «Настоящие цели России в Восточной Европе соответствуют нашим стандартам». Однако далее следует: «Опасность заключается в том, что её политика, основанная на иных убеждениях, может измениться и стать такой же тоталитарной за её пределами, как и внутри страны» [2, р. 24].

Эволюция оценок присутствовала и в публикациях «Nation». Воспев конференцию в феврале, с марта журнал стал писать, что «Россия не допустит нарушения своей гегемонии в Румынии и Венгрии; и это угрожает уничтожить компромиссы Ялты [1, р. 420; 9, р. 320].

Пресса либеральной окраски весной 1945 г. дрейфовала в оценках ялтинских соглашений. «New Republic», например, признавал факт создания европейской «сферы российского влияния» [8, р. 168]. К маю журнал был вынужден оценивать ялтинские результаты не как «международную государственную деятельность», а как банальную «торговлю интересами» [18, р. 630]. Впрочем, тот же журнал выступил со своеобразным оправданием политики СССР и намёком на несовершенство ялтинской декларации, отмечая, что никто не может обвинить русских за то или иное событие в Европе, поскольку это всего лишь своя трактовка Ялтинского соглашения [17, р. 771 – 772].

Постепенное изменение настроений прессы было в значительной степени обусловлено нечёткостью протоколов Ялты. Католические группы Америки к началу лета 1945 г. расценивали ялтинские соглашения как предательство [2, р. 312]. «Foreign Policy Report» отмечал: «Для СССР договорённость очевидно повлекла за собой господство в Финляндии, Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии...» [11,

р. 67]. Интересно отметить, что, по мнению автора, зона американского влияния ограничивалась «некоторым участием» в Италии.

Ряд журналов консервативной направленности также переходит на более жёсткую позицию. Так, в «Current History» в мае 1945 г. была опубликована статья Ш. Браун. Автор утверждала, что в свете односторонних действий Советского Союза «ялтинские процедуры не имеют никакого влияния» [3, р. 425]. Известный публицист Юджин Лайонс писал о соглашениях как о «новом Мюнхене и очевидной сдаче Восточной Европы тоталитаризму» [14, р. 468].

Таким образом, оценивая реакцию американцев на ялтинскую конференцию, необходимо отметить следующее. С одной стороны, первичная оценка Ялтинской встречи была доминирующе позитивной. Однако в общественном мнении США в феврале – августе 1945 г. достаточно чётко прослеживается устойчивая тенденция к охлаждению симпатий к СССР при сохранении, тем не менее, значительного числа последователей тесного диалога с Советским Союзом. Критические оценки увеличились главным образом за счёт вновь активизировавшихся консерваторов и перешедших на их сторону части либералов. Таким образом очевидно, общественное мнение США довольно чутко реагировало на смену настроений руководства страны и, хотя и с определёнными оговорками, усваивало тот смысловой и интонационный поток, который транслировал на страну официальный пиар.

Поэтому, несмотря на наличие оснований для оптимистических перспектив послевоенного сотрудничества, анализ оценок Ялтинской встречи свидетельствует о существовании разноплановой реакции американцев на эти события. Этому есть два логичных объяснения. Во-первых, уровень общественного сознания в Соединённых Штатах никогда не был монолитным. Во-вторых, сами решения оставляли возможность для их различной интерпретации.

1. A New Three-Power Conference // A New Three-Power Conference [Text] // Nation. – 1945. – March 24. – Vol. 160. – № 12. – P. 319–320.
2. After Yalta // Life. – 1945. – February 26. – Vol. 18. – P. 24–26.
3. Bailey, Th. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to our day / Th. Bailey. – N.Y.: Cornell Univ. Press, 1950. – 375 p.
4. Braun, Ch. E. The Balkans After Yalta / Ch. Braun // Current History. – 1945. – May. – Vol. 8. – № 45. – P. 421–425.
5. Bryant, A. Triumph in the West. 1943 – 1946 / A. Bryant. – L.: Collins, 1959. – 576 p.
6. Conferense: In the Shadow of Ai-Dagh // Time. – 1945. – February 19. – Vol. 45. – № 8. – P. 15.
7. Coudenhove-Kalergi, R. Why Not The United States Of Europe? / R. Coudenhove-Kalergi // American Mercury. – 1944. – April. – Vol. 58. – № 244. – P. 417–423.
8. Del Vayo, J.A. America and Coalition / J.A. Del Vayo // Nation. – 1945. – April 21. – Vol. 160. – № 16. – P. 430–431.
9. Eulau, H. As The Big Three Meet / H. Eulau // New Republic. – 1945. – February 5. – Vol. 112. – № 6. – P. 168–170.
10. First Test of Yalta // Nation. – 1945. – March 24. – Vol. 160. – № 2. – P. 319–321.
11. Gaddis, J.L. Russia, The Soviet Union, and the United States: An Interpretive History / J.L. Gaddis. – N.Y.: John Willey a, Sons, 1978. – 309 p.

12. Hadsel, W. Political Currents in Liberated Europe / W. Hadsel // Foreign Policy Reports. – 1945. – June 1. – Vol. 21, № 6. – P. 66–69.
13. Kirchwey, F. Yalta and San Francisco / F. Kirchwey // Nation. – 1945. – February 24. – Vol. 100, № 8. – P. 201–202.
14. Levering, R.B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945 / R.B. Levering. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1976. – 262 p.
15. Lyons, U. Appeasement in Yalta / U. Lyons // American Mercury. – 1945. – April. – Vol. 60, № 256. – P. 461–468.
16. Morrison, Ch.C. Was Yalta a Success? / Ch.C. Morrison // Christian Century. – 1945. – February. – Vol. 62. – P. 262–264.
17. Morrison, Ch.C. What Should We Expect / Ch.C. Morrison // Christian Century. – 1945. – May 30. – Vol. 62. – P. 646–648.
18. Rift in Big Three // New Republic. – 1945. – June 4. – Vol. 112, № 23. – P. 771–772.
19. Russia Returns From Isolation // New Republic. – 1945. – May 7. – Vol. 112, № 19. – P. 630–631.
20. Stuart, J. Yalta: History's Long Stride / J. Stuart // New Masses. – 1945. – February 27. – Vol. 54, № 9. – P. 8–9.
21. The Big Three Take Their Stand // Business Week. – 1945. – February 17. – № 807. – P. 15–16.
22. The Crimean Charter // New Republic. – 1945. – February 26. – Vol. 112. – № 26. – P. 278–279.
23. The Golden Gate to Peace // Business Week. – 1945. – March 31. – № 813. – P. 120.
24. Virginia, G. Crimea Postscript / G. Virginia // New Masses. – 1945. – February 27. – Vol. 54, № 9. – P. 13–14.
25. Voices of History. 1945–1946. Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945 / Ed. by Nathan Ausubel. – N.Y.: Gramercy, 1946. – 810 p.
26. Иванов, Р.Ф. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. 1941 – 1945 / Р.Ф. Иванов, Н.К. Петрова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 378 с.